

07.99.
209

Кубрик Стэнли

Свидетельство

Эндрю БИРКИН:

«СТЭНЛИ КАЗАЛСЯ МНЕ ВЗРОСЛЫМ РЕБЕНКОМ»

После смерти Кубрика выяснилось, что мы очень мало о нем знаем. Поэтому рассказ сценариста и режиссера Эндрю Биркина (брата актрисы Джейн Биркин и соавтора сценария будущего фильма Люка Бессона «Жанна Д'Арк») представляется достаточно интересным и важным для публикации на страницах «ЭС».

«Во время подготовительного периода «2001: космическая одиссея» я был стажером. Мне было 19 лет, я разносил кофе по съемочной площадке. Потом узнал, что Кубрик и его группа спецэффектов ищут уголок в Англии, где можно было бы снять огромные безлюдные пустоши. Я набрался храбрости и сказал Кубрику, что знаю такие места. По большому счету, это было вранье, но я не видел другого способа привлечь его внимание. После этого меня приписали к отделу спецэффектов. Однажды мы разговаривали с одним типом из группы и он рассказал мне об очень интересной технологии, позволяющей изменять в кадре одни цвета, оставляя остальные нетронутыми. Я посоветовал ему рассказать об этом Кубрику, но парень стеснялся. Я спросил, не возражает ли он, если я расскажу об этом сам. Он не возражал. Я предложил Кубрику использовать эту технологию для фильма. Он в ответ: «Почему бы и нет? Давай, сделай пробные образцы. Бери напрокат вертолет, 65-миллиметровую камеру прикрепи спереди и снимай». Я три месяца провел в Шотландии, снимал все те пейзажи, что потом появились в «Космической одиссее» по ходу путешествия на Юпитер. Потом Кубрик послал меня на полгода в Африку с французским оператором Пьером Була. Мы привезли ему кадры, и он использовал в первой части «Космической одиссеи», которую он назвал «Заря человечества». Кубрик спроектировал эти кадры на огромный экран студии MGM и снимал на их фоне обезьян.

Год спустя я работал с Beatles над фильмом The Magical Mystery Tour. Неожиданно мне позвонил Стэнли и предложил подобрать места натурных съемок для его будущего фильма о Наполеоне. Он отправил меня во Францию в самый разгар мая 1968 года. В Париже в то время только что состоялась премьера «Космической одиссеи», и тогдашний министр культуры Андре Мальро выдал мне специальный пропуск — он давал право фотографировать и снимать на пленку все, что я захочу. Я ездил в Фонтенбло, на набережную Инвалидов, в Ля Мальмезон — туда, где побывал Наполеон. Я съездил в Ватерлоо и как раз собирался на остров Святой Елены, когда студия прикрыла проект.

«Наполеон» был фильмом-мечтой Кубрика. Он практически закончил сценарий. Я знаю, что он хотел снимать его целиком в студии и использовать тот же принцип ретропроекции, как в «Космической одиссее». Я сделал более 10 тысяч снимков под всеми углами, и Стэнли собирался строить по этим снимкам масштабнейшие декорации. Мне это казалось удивительным и необычным. Для Кубрика не существовало жизни вне кино. Был только он сам и фильм, который он снимал. Он не только сам был одержимым, но и от сотрудников своих требовал такой же отдачи. Мне было 19 лет во время съемок «Космической одиссеи», у меня не было семьи, не было личной жизни, и поэтому я охотно торчал в студии до полуночи. Уже тогда все чувствовали, что снимают уникальный фильм. Стэнли очень легко сходился с людьми — даже с теми, кто разносил кофе. Порой ему становилось одиноко, и он обращался ко мне: «Пойдем поговорим». И мы

говорили обо всем — о политике, о футболе. Он любил начинать разговоры на темы, не касающиеся кино, но каждый раз разговор рано или поздно сворачивал на фильм.

Стэнли обожал играть в шахматы со всеми, кто его окружал. Я тоже играл с ним, хотя играю я неважно. Он любил всякие технические новинки и приспособления. В те времена, когда шла подготовка к «Наполеону», он установил телекс возле своей кровати. Его это ужасно забавляло, и он настаивал, чтобы все общались с ним по телексу, а не по телефону. Но он был слишком ленив, чтобы набирать текст на клавиатуре, и поэтому мне часами приходилось ждать его посланий.

Когда речь шла о чем-то ради фильма, Стэнли утрачивал представление о морали. Среди тысяч африканских фотографий, которые я делал для «Космической одиссеи», Стэнли особенно понравились снимки деревьев странной формы. Он был от них в восторге, — но ему не нравилось место, где они были расположены. Зато ему очень нравилось место, где не было этих деревьев. «Ты можешь перевезти эти деревья в другое место?» Я навел справки и узнал, что этим деревьям тысяча лет, что они находятся под охраной и их нельзя ни выкопать ни спилить, позвонил Стэнли: «Ничего нельзя сделать, власти запрещают трогать деревья». Он настаивает: «Мне эти деревья нужны в другом месте. Дай кому-нибудь взятку, они согласятся». Я говорю: «Да их же охраняют, нас могут за это посадить!» — «Я уверен, что ты что-нибудь придумаешь!» — и повесил трубку.

И я действительно придумал.

Я заплатил очень большую взятку, и мы под ночным покровом спилили деревья и на грузовиках перевезли их за 500 километров — в то самое место, которое так понравилось Стэнли. Мы все отсняли, а потом распилили деревья на мелкие куски, чтобы никто не смог их найти. Конечно, я не очень горжусь этим поступком, но Стэнли не оставил мне выбора. Ради него я был готов на все.

Когда он готовил фильм о Наполеоне, ему стало известно, что о нем снимается еще один фильм на Cinecitta. Стэнли заставил меня тайком прочитать сценарий этого фильма. Я поехал в Рим, пробрался на студию и ознакомился со сценарием, пока шел обеденный перерыв.

Уже в те годы работа на съемочной площадке Кубрика продвигалась очень медленно. У Стэнли было свое, особенное видение фильма, и все, что попадало в кадр, должно было идеально соотноситься с тем, что первоначально было выстроено в его голове. Порой с ним было нелегко. Конечно, на съемках «Космической одиссеи» актерам было тяжело. Я много разговаривал с Гэри Локвудом и Киром Дулли, игравшими космонавтов. Им хорошо платили, и они не жаловались. Но оба считали Кубрика тронутым. Все диалоги в фильме совершенно плоские и не требуют никаких эмоций. Именно этого и добивался Кубрик. При этом он никогда не говорил актерам больше, чем было нужно по роли, и они были растеряны.

Но Стэнли всегда был совершенно открыт интересным предложениям и никогда не проходил мимо возможностей, которые ему представлялись. В свое время много говорили о его выборе музы-

ки при показе космических кораблей. «Голубой Дунай» подошел превосходно. Мало кто знает, что эта музыка была выбрана случайно. Киномеханик заснул в проекционной, и пленка крутилась при включенном радио, по которому как раз звучала эта мелодия.

Стэнли охотно спрашивал мнение других людей. Даже совсем молодых. В те годы мало кто это делал. Но он хорошо знал себе цену. Однажды я начал говорить с ним о фильме Лоузи «Король и страна», он показался мне исключительным. Стэнли просто спросил меня: «А ты смотрел «Тропинки славы»? Я не видел этого фильма. Через два дня он организовал просмотр на студии — специально для меня! Он считал, что в «Короле и стране» имитируются приемы из его «Тропинки славы». И он был прав.

Когда «Космическая одиссея» вышла на экраны, о фильме много писали. Стэнли довольно спокойно относился к рецензиям, его больше всего интересовали письма детей, приходившие в большом количестве. Он говорил, что дети поняли его фильм гораздо лучше, чем критики.

Он обладал удивительным чувством юмора и любил заигрывать со своими поклонниками. Если Стэнли чувствовал, что собеседник перед ним преклоняется, он любил намекнуть ему на это. Он ценил свою власть. Думаю, Стэнли во многом жил в своем вымышленном мире и не хотел из него выходить. Ему хотелось контролировать все. Все знают, что он боялся летать на самолете, но не все знают, что у него был диплом пилота. Если у него был контроль над ситуацией, он был уверен, что с честью выйдет

из нее; если же штурвал был в чужих руках — это было для него невыносимо, он чувствовал себя в опасности.

К женщинам он тоже относился странно. Вскоре после съемок «Космической одиссеи» он принес мне ежегодный каталог манекенщиц, где были помечены некоторые страницы. «Что ты о ней думаешь? Она тебе нравится? А эта?» Я не понимал, чего он добивается. «Мне хотелось бы посмотреть на этих девушек живьем. Но я не могу придумать подходящего предложения. Может быть, сказать, что нам нужны статистки-манекенщицы?» Это было так странно. Ему нужен был предлог, чтобы пригласить в студию манекенщиц, но при этом он не хотел иметь с ними никакого личного контакта. Думаю, ему не хотелось продемонстрировать свои истинные чувства. Было время, когда Стэнли хотел установить повсюду на студии микрофоны и видеокамеры, чтобы следить, все ли хорошо работают.

Стэнли был одержим властью. Поэтому-то его и привлекал Наполеон. Он восхищался тем, как Наполеон манипулировал людьми. Сам Стэнли, кстати, использовал схожие методы. На этой неделе ты наверху списка его фаворитов. На следующей отваливаешься чуть ли не на последнее место. Но ты надеешься, что рано или поздно вернешься на первое место. Это было как игра. Стэнли казался мне взрослым ребенком с огромным зарядом коварства.

Незадолго до смерти я увидел его по телевидению, когда он благодарил гильдию американских режиссеров за почетную премию. Перед этим мы не виделись 25 лет, хотя иногда перезванивались и обменивались письмами. Я испытал шок — я просто не узнал его, пока он не улыбнулся. Стэнли редко улыбался. У него была неповторимая улыбка — ласковая и заразительная, как у ребенка.

Когда я получил приз за мой первый короткометражный фильм, он прислал мне письмо с поздравлениями. Но его трудно было назвать общительным человеком. Я работал с ним на двух проектах в общей сложности около двух лет, но ни разу не был у него дома. Позже я встречал много людей, которые с ним работали. У меня сложилось впечатление, что с возрастом его странности усилились. На съемках «Космической одиссеи» я не могу припомнить случая, чтобы он снимал по 100 дублей одной и той же сцены. Я знаю, что на съемках «Цельнометаллического жилета» Стэнли очень не любил одного актера, и он заставил его сделать 150 дублей одной и той же сцены. Винсент Д'Онофрио, с которым я работал на другом фильме, рассказывал мне очень интересные истории о съемках «Цельнометаллического жилета». Иногда я узнавал в этих рассказах Стэнли — точно такого же, каким я его знал. Иногда я говорил себе: «Нет, я не представляю его себе таким садистом и безумцем».

Сейчас, когда до премьеры его последнего фильма «С широко закрытыми глазами» осталось совсем немного времени, я заинтригован — как и все остальные. Основной чертой характера Стэнли всегда была непредсказуемость. Никогда нельзя было предугадать, как он поступит в следующий момент. Поэтому он и был гением.

ЛОНДОН